

ЕЛЕНА ГОВОР

МОЙ ТЕМНОКОЖИЙ БРАТ

Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и кончая сегодняшним временем. Специально для «АМ» Елена Говор переводит на русский язык свою книгу «My Dark Brother», вышедшую в свет по-английски в 2000 г. Эта книга повествует о семье русских иммигрантов Ильиных, поселившихся в Австралии в 1910 году и крепко связавших свою судьбу с австралийскими аборигенами. Мы продолжаем публикацию глав из книги Елены Говор «Мой темнокожий брат: история Ильиных, русско-аборигенской семьи». Раздел книги «Мир Китти» посвящён предкам аборигенки Китти Кларк, будущей жены Леандро Ильина. В 1996 году Елена Говор со своей семьей отправилась на плато Атертон на севере Квинсленда, где с незапамятных времён жили предки Китти и где с 1910 года, вслед за Ильиными, начали селиться русские семьи. Вместе с Флорой, дочерью Китти и Леандро, и её кузиной Джесси Калико гости из Канберры отправились в путешествие в прошлое. Начало публикации русского варианта книги в «АМ» — № № 9–19, 21. Текст предыдущих глав, опубликованных в «Австралийской мозаике», можно найти на сайте Елены Говор — <http://elena.id.au>.

Мир Китти

ДВА МИРА

В сентябре 1910 года, когда Николай Ильин и его сыновья выбирали на карте в земельном управлении три участка «дремучего векового леса»,¹ они и не подозревали, что его «дикость» была обманчивой. Его первозданную, как казалось, природу пронизывал другой мир — мир аборигенов. В течение тысячелетий он служил им домом, это было их обитаемое пространство, их страна, покрытая путями, по которым путешествовали их мифические герои, и их собственными тропами, использовавшимися для охоты, собирательства, обмена и обрядов. Два мира, две реальности — белых и аборигенов — вели хрупкое параллельное существование на одной и той же земле на протяжении нескольких десятилетий после прихода европейцев, оставаясь почти непроницаемыми друг для друга. Ильины не сразу открыли эту вторую реальность и не могли предположить, что придёт день, когда она станет частью их собственной жизни и, годы спустя, поглотит их. Первые встречи, как вспоминает Флора, дочь Леандро, были мирными и даже юмористическими: «Аборигены приходили к нам без штанов, у многих из них совсем не было одежды, и моя бабушка бывало говорила Ромелио: „Дай-каему штаны и скажи, чтобы он всегда имел штаны, когда он сюда приходит“. И вот он их надевает, ходит тут в штанах, а потом возвращается в лагерь, где они живут. Следующий раз приходит со штанами, как ему сказали, но они висят у него на плече».²

¹ Н. Ил[ьин], Русские в Австралии. – Новое время, 30 июля 1912, с. 2.

² Плёнка 5В302.

К тому времени, когда Ильины поселились в Бутчерс Крик, трагическая история контактов европейцев с местными аборигенами насчитывала четверть века, и их численность уже значительно сократилась, однако их традиционный образ жизни не был ещё полностью разрушен. Территория вокруг Бутчерс Крик (ручья Мясника), примыкающая к труднодоступному хребту Белленден Кер, стала их последним убежищем. Первые европейские поселенцы в районе Маланды — Бутчерс Крик встречали иногда колоритные группы аборигенов, кочующих с одной лагерной стоянки на другую; обнажённые тела мужчин были покрыты рубцами, нанесёнными во время инициаций; они несли дымящиеся головы и необычное оружие — огромные расписные щиты и тяжёлые боевые палаши; женщины тащили всю домашнюю утварь и малышей, сидевших у них на плечах или мирно спавших в плетёных сетках, висевших у них за спиной. Некоторые поселенцы обнаруживали, что их участки «девственного леса» активно использовались аборигенами: в глубине леса находились расчищенные поляны — обрядовые «бора-граунд», на тропах и в ручьях встречались искусно замаскированные ловушки для животных, птиц и рыбы. А самые наблюдательные могли заметить, что огромные кучи хвороста и листьев, в которых лесные индейки откладывали яйца, были помечены обломанной веткой — знаком собственности аборигена, который нашёл такую кучу и использовал её как постоянный источник свежих яиц. Занимая эти земли, ни земельное управление, ни поселенцы не беспокоились о том, что они посягают на чужую землю. Ведь вся территория Австралии, с точки зрения европейского правосудия, была ничейной землёй — права аборигенов-«кочевников» в расчёт не принимались. Аборигены племени нгаджон, которых первоначально побаивались как каннибалов, к 1910 году хорошо усвоили уроки белых. Согласно старожилу этих мест Эдгару Шорту, «Кровавые расправы, такие как в Боунс Ноб около Толги и в Бутчерс Крик между Пирамоном и Бунджи, а также множество более мелких стычек научили бедных туземцев, что противостояние белому было самоубийственно». В лучших случаях

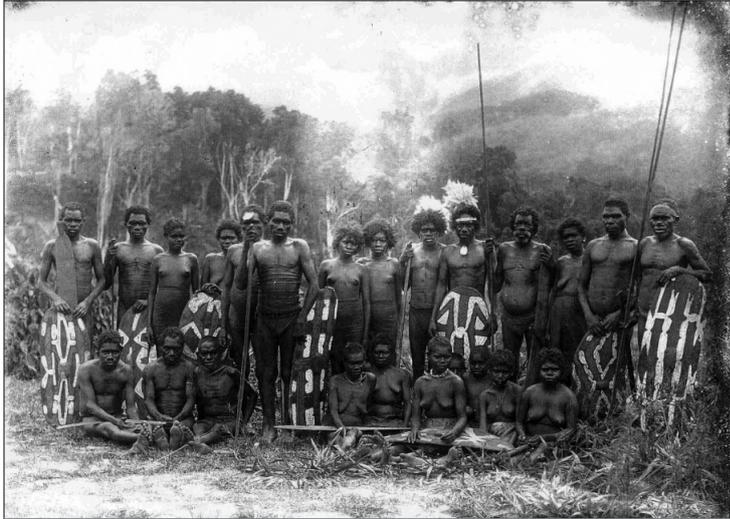
фермеры терпели присутствие аборигенов, иногда подкармливая их. В худших же случаях их сопротивление и предполагаемый каннибализм рассматривались, согласно старателю из Бунджи, как «бесспорное доказательство их крайней дикости, что ставило „або“ за грань человечества и показывало их варварскую и жестокую натуру, а это вполне давало белым право охотиться на них как на зверей».³

И действительно, белым цивилизаторам не так-то просто было понять, что «чёрные» имели свою собственную, сложную цивилизацию, которая представляла собой уникальную модель организации человеческого общества, прекрасно приспособленную к окружающей их природе. В каком-то смысле земля племени нгаджон была государством со своей собственной территорией, границами и дорогами, со своим собственным языком и законами, со святыщами и изобильными природными ресурсами, которые, благодаря умелому использованию, не иссякали

**А САМЫЕ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ МОГЛИ
ЗАМЕТИТЬ, ЧТО ОГРОМНЫЕ КУЧИ ХВОРОСТА И
ЛИСТЬЕВ, В КОТОРЫХ ЛЕСНЫЕ ИНДЕЙКИ
ОТКЛАДЫВАЛИ ЯЙЦА, БЫЛИ ПОМЕЧЕНЫ
ОБЛОМАННОЙ ВЕТКОЙ — ЗНАКОМ
СОБСТВЕННОСТИ АБОРИГЕНА, КОТОРЫЙ
НАШЁЛ ТАКУЮ КУЧУ И ИСПОЛЬЗОВАЛ ЕЁ КАК
ПОСТОЯННЫЙ ИСТОЧНИК СВЕЖИХ ЯИЦ.**

на протяжении тысячелетий. Территория племени занимала 500 км², простираясь на плато Атертон между верховьями рек Баррон, Норт Джонстон, Расселл и Малгрейв. До европейского вторжения численность нгаджон, по оценке антрополога Дэвида Харриса, составляла около 750 человек. По сравнению с другими австралийскими племенами, плотность населения у нгаджон была очень высокой (1 человек на 0.67 км²); такую плотность имели только прибрежные группы аборигенов. Эта высокая плотность объяснялась тем, что на плато Атертон была плодородная

³ E.H. Short, *The Nation Builders*, Dimbulah, 1988, pp.55–60.

Группа аборигенов. вулканическая почва, богатая растительность и изобилие воды.⁴

Когда Ильины, двигаясь вверх по ложу ручья Бутчер Крик, который протекал по участку Николая, добрались до его дальней границы, они обнаружили, что он примыкает к густым джунглям, окружающим кратер погасшего вулкана. Это был вулкан Змея-Радуги. Вода в ручейках, стекавших с его склонов, заросших древовидными папоротниками, казалась тёмно-золотой. С помощью топора они проложили дорогу вверх по склону, но не успели они насладиться чувством первооткрывателей, как их путь пересекла хорошо утоптанная тропа, которая вскоре вывела их к лагерю аборигенов. Женщины растирали орехи в каменных зернотёрках; мужчины полировали копья кусочками разбитого стекла (европейское стекло уже заменило используемые прежде кристаллы вулканического кварца с острыми краями); дети сидели вокруг очага, ожидая, когда запечётся «мапи» (древесный кенгуру). При появлении Ильиных дети бросились в хижины, но вскоре потянулись обратно, привлечённые появлением маленького Гектора, который тоже участвовал в «экспедиции». Когда Гектор попытался самостоятельно исследовать одну из троп, ведущих в глубь леса, его остановили старшие аборигены: эта тропа вела к священному месту, к бора-граунд:

⁴ D.R. Harris, 'Adaptation to a tropical rain-forest environment: Aboriginal subsistence in Northeastern Queensland', in N.G. Blurton-Jones & V. Reynolds (eds), *Human Behaviour and Adaptation*, London, Taylor & Francis, 1978, pp.123–24.

аборигены продолжали использовать его для корробори. Николай, который к тому времени уже был седобородым стариком, вскоре приобрёл уважение своих соседей-аборигенов и удосужился чести присутствовать на их корробори. Как отличались эти ночные представления от протяжных мелодичных песен крестьян в его родной Ильинке и от страстных танцев, которые он наблюдал в Средней Азии! Подобные чувства пережил и его земляк натуралист Александр Яценко, который за несколько лет до приезда Ильиных побывал на корробори у соседнего племени: «По-моему, это было просто осколком того, что некогда имело действительно определённое значение и смысл. [...] Я был доволен и этим. Да и действительно — разве не чудно было человеку, четыре месяца перед этим жившему мирно в Петербурге на Петербургской стороне, стоять среди глухого тропического леса Австралии, озаряемого колеблющимся огнём костров и оглашаемого оригинальными звуками чёрных потомков тех дикарей, которые с копьями и бумерангами пытались десятка два-три лет назад отстоять свою родину и дикую свободу от нахлынувшей на них тлетворной Европы?»⁵

Аборигены, которых Ильины «открыли» на собственном заднем дворе, были ячейкой племени нгаджон. В доконтактный период племя делилось на десять или более общин, в каждой из которых насчитывалось около полусотни человек. Каждая община занимала определённую часть племенной территории, временами дробясь далее на семейные группы, состоящие из 6–8 человек. Джесси Калико, которая жила в традиционных условиях ещё в 1930-х гг., вспоминает: «Когда я была маленькая, нас жило вместе человек 7–8. Старшие ходили на охоту, иногда приносили угря — большого-большого». Во время сухого сезона, зимой, мужчины отправлялись на охоту на окраины леса, где уже начиналась территория соседних племён. В конце сухого сезона и в начале влажного (ноябрь—январь), когда пищи было в изобилии, люди из разных общин сходились вместе в больших лагерях. Женщины строили огромные полусферические хижины, которые защищали

⁵ А.Л. Яценко, *Путешествие по Австралии*, М.: Географиз, 1959, с. 163.

от дождя. В это время они собирали и готовили грецкие орехи, обеспечивая таким образом едой большое количество людей. Это было время для разрешения межгрупповых конфликтов (которые возникали обычно из-за женщин) и развлечений. Иногда они принимали гостей из соседних племен. Визиты организовывались посланцами, которые приносили приглашение в виде специальной палочки посланника. С продолжением влажного сезона, когда количество пищи постепенно уменьшалось, люди разделялись на общины и на семьи, и годовой процесс возобновлялся. Наряду с этой социально-экономической организацией, нгаджон делились на две патрилинейные тотемические половины, члены одной половины могли вступать в брак с членами другой. Согласно Л. Шарпу, одна половина была связана с водой, а вторая — с животными. Члены каждой из половин принадлежали к ряду тотемов, считая их своими предками и заботясь об их воспроизводстве и сохранении. У нгаджон была интересная особенность: в некоторых случаях вся община, члены которой могли принадлежать к разным тотемам, заботились об определённом тотемическом святыще, находившемся на её территории: «У нгаджон... численность лесной индейки может быть увеличена в священном месте, называемом бочаг Лесной индейки, который создал их тотемический предок; он находится на территории золотых приисков, недалеко от Бутчерс Крик; эта территория принадлежит клану, у которого лесная индейка является одним из тотемов. Обряд, состоящий в том, что воду в бочаге мешают, а затем разбрасывают из неё землю во все стороны, проводится, когда индеек становится мало; его может проводить мужчина или женщина из любого клана, которых инициированные члены должным образом познакомили с обрядом».⁶

Это объясняет, почему Гленда Иллин, внучка Китти, считала, что «всё племя нгаджон принадлежит к тотему лесной индейки». Это заблуждение связано с тем, что память предков Гленды передавала сведения о самом важном тотеме их общины, тотеме, о котором все члены общины заботились, поскольку священный бочаг

Лесной индейки находился на их территории. Джесси Калико, действительно, была лесной индейкой — «Я помню, как я росла и старшие говорили: „Ты — индейка“». Однако она знала, что другие члены её общины принадлежали к другим тотемам — Эмма Джонстон, например, была австралийской пчелой, другие члены общины принадлежали к тотему поссума. Флора помнила, что её бабушка Эмили, мать Китти, принадлежала к редкому тотему чёрного какаду.⁷

Память о тотемах сохранилась до нашего времени, она была самой сильной особенностью сложной социальной организации нгаджон. Тотемы имеют удивительную двойственную природу — сакральную и прагматическую, через них люди выражают свою принадлежность к земле и ответственность за неё. Когда я приехала на землю нгаджон вместе с Флорой, которая выросла в отрыве от традиционной культуры, она заговорила о том, что лежало в основе отношений аборигенов с природой, о том, что она выпитала с молоком матери: «Я это помню. Темнокожие люди вокруг меня. И мне говорят, что нельзя убивать птицу или ломать ветку на дереве, если только это не по необходимости, если только в этом есть нужда. А просто так-такие вещи делать нельзя, нельзя просто так разрушать, тогда тебе попадёт. Белые люди ломают дерево, и никто им ничего не говорит. Темнокожие люди этого не делали. Они это не разрешали, даже маленьким детям. Ты должен уважать свою землю, всё, что тебя окружает. Это был грех — пойти и убить больше, чем тебе надо, а потом выбросить. Ничего кругом нельзя было лишать жизни, если только это не нужно было для еды». Джесси поддержала ее: «Когда они ходили на охоту, они добывали, сколько было нужно только на один день. Только на завтра. Они никогда не убивали больше, чем надо. Они никогда не тратили это впустую».⁸

В этот момент эти две пожилые женщины, стоявшие со мной на окраине леса их предков, были горды своим аборигенским прошлым, своей аборигенской философией, которая кажется простой только на первый взгляд, и которую белым всё ещё предстоит научиться понимать и уважать.

⁶ Sharp, 'Tribes and totemism in north-east Australia', pp.439, 442–47.

⁷ Плёнки 3В109, 4В115, 4В183, 2А098.

⁸ Плёнки 5А100, 5А120.

КЛАН КИТТИ

Слыша, как аборигены вокруг меня обращаются к Флоре и другим пожилым женщинам «тётушка», вне зависимости от степени их реального родства, я вспомнила о похожей русской традиции, ведь в детстве мы всех взрослых называли тётями и дядями. В крестьянской же среде такое обращение использовали и взрослые. Возможно, в обеих культурах оно возникло от сознания того, что все люди, происходящие из одного места, — родственники. Это в полной мере относилось и к австралийским аборигенам и к русским крестьянам. Но в этих моделях родственных связей есть и различия. Аборигены создали сложнейшую систему родства, которая отличалась от европейской модели и не оставляла ни одного человека

**НИКОЛАЙ, КОТОРЫЙ К ТОМУ ВРЕМЕНИ УЖЕ БЫЛ
СЕДОБОРОДЫМ СТАРИКОМ, ВСКОРЕ ПРИОБРЁЛ
УВАЖЕНИЕ СВОИХ СОСЕДЕЙ-АБОРИГЕНОВ
И УДОСУЖИЛСЯ ЧЕСТИ ПРИСУТСТВОВАТЬ
НА ИХ КОРРОБОРИ. КАК ОТЛИЧАЛИСЬ ЭТИ НОЧНЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОТ ПРОТЯЖНЫХ МЕЛОДИЧНЫХ ПЕСЕН
КРЕСТЬЯН В ЕГО РОДНОЙ ИЛЬИНКЕ И ОТ СТРАСТНЫХ
ТАНЦЕВ, КОТОРЫЕ ОН НАБЛЮДАЛ В СРЕДНЕЙ АЗИИ!**

без родственников. Наряду с биологическими отцом, матерью, сёстрами и братьями, каждый член племени нгаджон считал братьев своего отца своими отцами, а сестёр своей матери — своими матерями. Их дети были его сёстрами и братьями (Джесси уточняла такое родство как «сестра по закону аборигенов»). Эта система определяла также, с кем каждый человек мог вступать в брак. Дети старшей сестры отца были для него потенциальными тестем или тётшей, он мог жениться на их детях. Его дети, в свою очередь, могли вступать в брак с детьми младшего брата его отца. Сходные законы применялись и к родственникам со стороны матери. Китти, ставшая женой Леандро, происходила из семьи Барри Кларка, родившегося в первой половине XIX века, ещё задолго до прихода европейцев; он имел пять жен и, по крайней мере, шесть детей. Жизнь членов его семьи была связана с районом

на плато Атертон, который простирается между Бутчерс Крик, холмом Ламина Хилл и Бунджи. По всей видимости, семья Барри была патрилинейным ядром общины, населяющей эту территорию. Другие члены общины могли присоединяться к ним в результате браков или дружбы, но ядро клана постоянно оставалось на своей территории. Ряд фактов поддерживает это предположение. Согласно Джесси Калико, правнучке Барри, золотые прииски в Бунджи располагались на территории, принадлежащей Барри. В Бунджи была расчищенная площадка, поляна Барри. Его сын Вилли работал на Фреда Брауна, который был одним из пионеров освоения района Бунджи. Эмили, жена Барри, и их дочь Китти родились на золотых приисках Расселла, в верховьях реки Расселл, которая начинается в Бунджи. Леандро, чья ферма располагалась между дорогой Гадалова и холмом Ламина, писал в 1915 г. о Китти: «Мой участок находится прямо на её земле» (Был ли другой европеец, который бы так написал о земельной собственности аборигенов в те годы?!). Молли Раймонт, внучка Барри, родилась около 1890 г. в Бунджи. Её дочь Эмма Джонстон помнит, как они разбивали лагерь около кратера Змея-Радуги около 1920 г. Она и Джесси знали, что это территория Барри, и сохранили миф их племени о Змее-Радуге, жившем в этом кратере. Семья Барри могла быть ядром общины и потому, что Барри и его сын Вилли были названы первыми европейскими поселенцами в этих краях «Король Барри» и «Король Вилли». Согласно Гарри Иллину, сыну Китти, Вилли носил на груди медную подвеску с надписью «Король Вилли».⁹ В традиционном обществе аборигенов не было наследственных «королей» в европейском смысле этого слова. Шведский натуралист Мьёберг, который жил в этих краях в 1913 г., писал: «Я не встречал никаких особых вождей у [местного] племени. Племя возглавляет совет, состоящий из самых мудрых и опытных мужчин, из тех, кто пользуется большим уважением. Мужество здесь высоко ценится. Ценятся сообразительность и рассудительность. Поскольку эти свойства обычно увеличиваются со временем, старейшие мужчины и получают обычно

⁹ Плёнка 2A068.

права руководства в делах племени».¹⁰ Именно таковыми лидерами общины, населявшей район Бутчерс Крик — Бунджи, и были Барри и Вилли, что и заставило европейцев окрестить их «королями». Возможно, высокий статус Барри привел к тому, что его тело после смерти было вывезено из его родных мест. Согласно Мьёбергу, в этом районе существовал «обычай мумификации тел мужчин, которые занимали выдающееся положение при жизни». Путешественники охотились за такими мумиями для музейных коллекций. Гленда Иллин слышала, что местные старожилы все ещё помнили, что «отсюда вывезли забальзамированное тело». Она предположила, что Король Барри, её прапрадед, мог быть аборигеном, мумию которого в 1905 году приобрёл и вывез в Германию немецкий антрополог Герман Клаач. Имя последнего в записях Клаача фигурировало как «Нарча, король Боенджи».¹¹

Сын Барри — Вилли Кларк и его будущая жена Эмили были ещё подростками, когда европейцы вторглись на земли их племени. Много лет спустя, в 1940 году, Эмили рассказала своему внуку Гарри о первом трагическом столкновении. «Они забрали мою бабушку с озера Эчем, — вспоминает Гарри. — Её племя разбило лагерь около озера Эчем. Там была их главная стоянка. Белые пришли и перестреляли всё племя, а многих молодых людей захватили. Моя бабушка была там, ей было лет 10–12, и они взяли её. Её взяли люди по имени Кларк. Это то, что она мне рассказывала». В кратком некрологе в «Таунсвилл Бюллетин» эта история была рассказана несколько по-другому: «Эмили было 18 лет, когда первые белые появились в районе Кэрнса. Чёрные верили, что однажды их духи вернуться на землю как белые люди, и когда они увидели белых, они были напуганы и спрятались в лесу. Два года они не приближались к Кэрнсу». Она рассказывала много

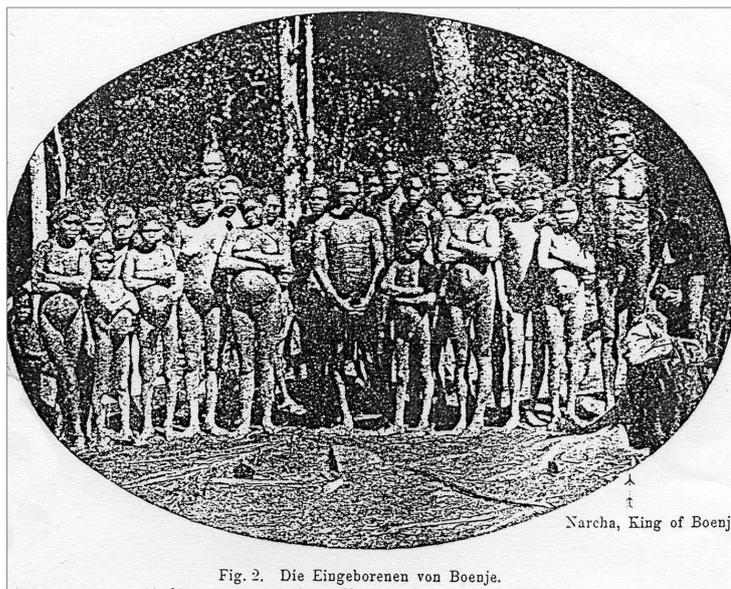

Fig. 2. Die Eingeborenen von Boenje.
(Aufgenommen von einem Photographen in Boenje 1891)

ярких историй о ранних днях на золотых приисках на реке Расселл.¹²

**Фотография
Клаача.**

Я склонна верить истории, которую запомнил Харри, поскольку Кэрнс находится довольно далеко от тех мест, где жило племя Эмили. Согласно её регистрационной карточке в досье отдела по защите аборигенов, она имела аборигенское имя Даругсо и на плече у неё был «племенной шрам»; это значит, что во времена её юности традиционные обряды всё ещё сохранялись, и она была должным образом инициирована. Она родилась около 1870 года в районе золотых приисков Расселл. Интересно, что в свидетельстве о её втором браке она записалась под фамилией Расселл, очевидно, как знак её принадлежности к земле её племени, территория которого была в верховьях реки Расселл. Первый муж Эмили, Вилли Кларк, известный как «Король Вилли», очевидно, получил свою фамилию от Джорджа Кларка, который открыл месторождения золота в Бунджи в 1886 году и привёл сюда первых поселенцев. Часть тропы, которую Джордж и его товарищи проложили от Хербертона до Бунджи, все еще известна как тропа Кларка. Эмили и Вилли работали для первых европейских поселенцев в Бунджи — Джорджа Кларка, Фреда Брауна и его жены Амелии. У Фреда Брауна был там магазинчик, а Харри Лэнд, его шурин, завёл там ферму для обеспечения старателей продуктами. Оба они были

¹⁰ E. Mjöberg, 'Contribution to the knowledge of the natives of North Queensland' [original: 'Beitrage zur Kenntnis Eingeborenen von Nord-Queensland', Archiv für Anthropologie, B. 20, 1925] (English manuscript translation held by AIATSIS), p.2.

¹¹ Плёнка 3A011, EGA; H. Klaatsch, 'Mumie aus Australien und Reisebericht des Hrn. Klaatsch aus Sydney', Zeitschrift für Ethnologie, B. 37, 1905, pp.772–81.

¹² Плёнки 1A295, 7A233; 'Death at 98', undated clipping, presumably Townsville Bulletin, February–March 1955 (Flora Hoolihan archives).

англичанами. Именно от них Эмили и Вилли и их дочери Китти и Джулия получили первое представление о мире белого человека. Любопытно, что все аборигенки в этой семье стали хорошими женами европейцев. Эмили, после смерти Вилли, в 1916 г. вышла замуж за старателя-англичанина Томаса Деньера; Китти вышла замуж за русского Леандро Ильина, а Джулия — за старателя-француза Чарли Сиври, бывшего ссыльного, который бежал в самодельной парусной лодке с Новой Каледонии. Эдгар Шорт вспоминал, что «Чарли научил Джулию готовить французскую кухню, используя местные продукты с превосходным результатом. Однажды партия геологов остановилась у них на ланч, они оценили по достоинству приготовленного Джулией запечённого угря с местным ямсом. Когда всё было съедено, Чарли признался, что „угорь“ был в действительности ковровой змеей. Один из участников застолья тут же выскочил наружу и расстался со своим ланчем, пара людей побледнела, но остальные заявили, что ничего вкуснее они не едали».¹³ Можно добавить, что в 1919 году Чарли вместе с аборигеном Моси возглавил восхождение партии европейцев на Барл Фрэр, самую высокую гору в Квинсленде. Аборигены считали, что именно на её склоне души умерших находили свой вечный покой. Судьба Вилли Кларка, отца Китти, была трагической. По неизвестной причине Фред Браун увёз его в Брисбен, и Вилли никогда не вернулся в родные места. Нашла ли его душа путь к склону Барл Фрер?

ЧЁРНАЯ ПРИНЦЕССА

К тому времени, когда 20-летняя Китти появилась на ферме у Ильиных, у неё уже было трое детей. Её старшая дочь Эмма родилась примерно в 1905 году (Леандро писал, что Китти, как это принято у аборигенок, родила первого ребенка в 13 лет); следующая дочь, Молли, родилась в 1910 году, и сын Джордж, которого все называли Джинджер, — в 1911 году. Что случилось с её мужем, аборигеном по имени Джимми Вильямсон, неизвестно. Ильиные были одними из первых поселенцев на территории племени, к которому принадлежала Китти. Она пришла к ним в 1911 году, к этому времени она уже, вероятно,

потеряла мужа и голодала с тремя малышами. Александра приняла её, и Китти стала помогать ей по хозяйству. В августе 1913 года, когда Леандро вернулся из своих странствий и занялся расчисткой своего участка на Кэрнской тропе, она перешла жить к нему и стала его гражданской женой, и он стал заботиться о её детях. В июле 1914 года родился их первенец, Ричард (Дик), а затем, после драматической борьбы с властями, Леандро и Китти смогли формально зарегистрировать свой брак в сентябре 1915 года. Кем же была эта женщина, которая смогла покорить сердце этого одинокого русского человека, которая смогла дать смысл его жизни? Вглядываясь в старую фотографию, я пытаюсь посмотреть на неё глазами Леандро. Молодая, худенькая женщина с копной густых вьющихся тёмных волос, с нахмуренным напряжённым лицом, она кажется на первый взгляд слишком сдержанной, чтобы привлечь внимание мужчины. Но, как только она преодолевала свою застенчивость, сияющая белозубая улыбка освещала её суровое лицо. Её внучка Гленда унаследовала не только внешность Китти, но и, чудесным образом, этот контраст между внешней суровостью и удивительной открытостью и лёгкостью характера. В лице Китти угадываются сильная воля и ум. Даже местный полицейский вынужден был признать в своих отчётах, что «Китти Кларк — смышлёная аборигенка» и «она умная женщина в пределах, отпущенных чёрным». В пределах, отпущенных чёрным... Вся натура Леандро восставала против подобного надменного, унижительного отношения к аборигенам. Сам он писал о Китти, что она «добрая женщина»; позже, после её смерти, он писал о её сыне Джинджере: «Я воспитал его добрым, честным и умелым, такой была и его бедная мать». Хотя Китти была в контакте с белыми с самого детства, во многом она оставалась аборигенкой, поскольку многие члены её общины всё ещё вели традиционный образ жизни. Как помнит Флора, она говорила на ломаном английском языке, её главным языком оставался нгаджон. Верная в любви, добрая и честная, способная принять чужую культуру, сохраняя свою собственную — такой была Китти Кларк, «маленькая чёрная принцесса», дочь земли нгаджон.

Я, воспитанная на европейской литературе, поначалу склонялась рассматривать историю союза Китти и Леандро как историю

¹³ Short, *The Nation Builders*, pp.7–8, 37, 43, 89, 110.

чистой романтической любви. Я пыталась говорить с Харри и Флорой о любви их родителей, и они с готовностью соглашались — «да-да, он любил её» — но отнюдь не разделяли мой романтизм. Но однажды Флора сама заговорила об истории её родителей: «Ну, я думаю, он был таким же, как все другие мужчины, когда он приехал в Австралию. Ведь в то время в наших краях было мало женщин, белых женщин. Может быть, когда их отношения только начинались, они и не думали о браке. Но потом, когда на свет появился ребёнок, он не мог их бросить, не мог поступить так, как делали другие белые мужчины. Он не мог бросить свою плоть и кровь. И он ни за что не позволил бы, чтобы мою маму и брата забрали на Палм Айленд. Он не был трусом, как многие другие белые мужчины. Он всегда думал о других людях и сочувствовал им».¹⁴

Действительно, на первых порах Леандро относился к сожительству белых мужчин с аборигенскими женщинами как к неизбежному недостатку жизни в буше. Он писал в отчёте федеральному правительству в 1912 году: «Надо что-то сделать, чтобы залучить белых женщин на Северную Территорию и спасти пионеров от сожительства с лубрами». (Лубра — так на австралийском сленге называли аборигенок). Что же изменило его отношение — рождение ребёнка или личность Китти? Конечно, иметь сына, иметь детей, было его давней мечтой, и он нежно любил своего первенца Дика, как любил и следующего ребёнка, которого ждала Китти — этим ребёнком оказалась Флора, сохранившая для нас историю её родителей. Но даже в это время Китти, как кажется, для него не просто мать его сына, не просто женщина, которая скрасила его одиночество. Не было ли его поведение выполнением клятвы, которую дали его родители двадцать пять лет назад, потрясённые «Крейцеровой сонатой» Толстого, вскрывшей всю фальшь современной любви и семейной жизни? Тогда Николай писал: «Нужно [...] соскоблить нечистое наложение привычек и нравов современной цивилизации; очистившись, нужно обнажить в себе человека, действительно созданного по образу и подобию Божию. Какое счастье, что мы прозрели, пока дети наши малы; конечно, мы сразу не будем в силах переродиться,

Китти
ок. 1924 г.
в Крист-
мас Крик.

изменить наши привычки; нам будет это стоить времени и более или менее тяжёлой борьбы; но детей наших мы сумеем сразу направить по чистому и прямому пути».¹⁵

Теперь, когда пришло время проверки теории практикой, чувства справедливости и чести, которые были краеугольным камнем мировоззрения Леандро, соединились с любовью. Как иначе объяснить то, как глубоко он сумел проникнуть во внутренний мир Китти, закрытый для европейцев, в её ценности жизни, когда в официальном письме с просьбой разрешить ему брак он написал так безыскусно и сильно: «Мой участок находится прямо на её земле. [...] Будет очень прискорбно, если свершится зло и её заберут с её родной земли». Только любовь могла научить его видеть вещи с двух сторон — своими

¹⁴ Плёнка 6A247; Flora's letter to author 18.02.1997.

¹⁵ Н.Д. Ильин, Дневник толстовца, СПб, 1892, с. 14-15

глазами и глазами любимой; только любовь могла помочь ему осознать, что бесплатная еда и одежда в миссии, куда могли выслать Китти за то, что она посмела сожительствовать с европейцем, никогда не заменят ей духовной связи с её родной землей. Как отличалось это отношение от того, как относились к аборигенкам другие европейцы! В 1915 году, например, только шесть европейцев во всем Квинсленде вступили в законный брак с аборигенками, в то время как сожительство было повсеместным явлением. Многих аборигенок с детьми белые не просто бросали, но и, согласно лингвисту Бобу Диксону, «только двое полукровок выросли в районе Талли в первой четверти [двадцатого] века; родилось их гораздо больше, но многие были убиты отцами вскоре после рождения».¹⁶

Леандро стал одним из первых европейцев, доказавших своей жизнью, что аборигенка достойна любви. Да, в то время это было немыслимым отношением. Никто вокруг, кроме родителей, не мог понять его. Двадцать лет спустя, когда он уже похоронил Китти в Кристмас Крик и воспитывал их шестерых осиротевших детей, он прочитал «Кунарду», роман Катерины Сусанны Причард, и был поражён сходством судеб героини романа и Китти. В Кунарду он узнал свою Китти. В отличие от героя романа, Хью Уотта, Леандро никогда не предавал свою любовь, но, как и Хью, он так и не смог освободиться от неё, не смог жениться после смерти Кит-

осуществить почти невозможную задачу превращения «австралийской аборигенки в романтическую фигуру». Старые расовые предрассудки были так укоренены, что Мэн имел все основания сказать: «Она могла бы это сделать с любой другой туземкой, от очаровательной зулуски до воздушно-поцелуйной служанки-арабки. Но аборигенка, в Австралии, никоим образом не может вызвать ничего большего, чем тошнотворную жалость или комическое презрение». Я знала, что Леандро высоко ценил «Кунарду» как правдивую австралийскую книгу. И когда я раздумывала над параллелями в трагических судьбах Китти и Кунарду, я получила письмо от Флоры. Она припомнила, что «отец написал леди, которая написала книгу об аборигенской девушке, книга называлась „Кунарду“, и в это время [1933] она собиралась в Россию. Пока она там была, что-то случилось с её мужем. Она ответила отцу, когда она вернулась. Не знаю, что она написала ему о России. ... Может быть, Вы найдёте его письмо ей в связи с тем, что она хотела приехать в Квинсленд и писать здесь книгу о женщине-аборигенке в 1936 или 1937 году». Возможно, Леандро хотел, чтобы Причард описала историю Китти, подумала я с надеждой. Увы, скоро обнаружилось, что их переписка не сохранилась ни в архиве Причард в Национальной библиотеке Австралии, ни в мешке с письмами у Веры Кетчелл в Малаканде. Тем не менее, Рик Тросселл, которому было 12 лет, когда его мать вернулась из России, потрясённая смертью своего мужа, услышав от меня о Леандро и Китти, сказал: «Я припоминаю имя Иллин. Мать говорила мне о нём, но я был слишком мал, чтобы всё запомнить». Позже, в одном из писем Леандро 1933 года, я нашла его замечание: «Я переписывался с автором „Кунарду“, и она писала мне, что, возможно, приедет на север собирать материал для книги об аборигенах и писать книгу».¹⁷

Ещё один тупик. И всё же история Леандро и Китти не потеряна. Она живёт в памяти их потомков и питает современную мифологию. ■

БЕЛЫЕ ЛЮДИ ЛОМАЮТ ДЕРЕВО, И НИКТО ИМ НИЧЕГО НЕ ГОВОРИТ. ТЕМНОКОЖИЕ ЛЮДИ ЭТОГО НЕ ДЕЛАЛИ. ОНИ ЭТО НЕ РАЗРЕШАЛИ, ДАЖЕ МАЛЕНЬКИМ ДЕТЯМ. ТЫ ДОЛЖЕН УВАЖАТЬ СВОЮ ЗЕМЛЮ, ВСЁ, ЧТО ТЕБЯ ОКРУЖАЕТ. ЭТО БЫЛ ГРЕХ — ПОЙТИ И УБИТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЕБЕ НАДО, А ПОТОМ ВЫБРОСИТЬ. НИЧЕГО КРУГОМ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ЛИШАТЬ ЖИЗНИ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ЭТО НЕ НУЖНО БЫЛО ДЛЯ ЕДЫ.

ти. Рик Тросселл, сын Причард, писал, что, когда роман «Кунарду» был опубликован в 1929 году, литературный критик Сесил Мэн отмечал, что «отказавшись избегать темы «черного вельвета», Катерина Причард попыталась

¹⁶ Dixon, The Dyrirbal Language, p.35.

¹⁷ Cecil Mann quoted in Ric Throssell, Wild Weeds and Wind Flowers. The Life and Letters of Katharine Susannah Prichard, Sydney, Angus and Robertson, 1975, p.54; Flora's letter to author 18.02.1997; interview with Ric Throssell 17.09.1997; L. Illin to A.W. Fadden, 8.08.1933 — QSA: CPA, Bundle A/58692, Complaints 1933, 33/3789.